

УДК 82.09

DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-453-459

Искусство памяти:
Рецензия на книгу: Память как история и воображение:
Коллективная монография (Москва: Эдитус, 2023)

Юрий В. Доманский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, domanskii@yandex.ru*

Аннотация. В рецензии рассматривается коллективная монография «Память как история и воображение». Демонстрируется значимость этой книги как в плане теоретического углубления понимания функционирования категории памяти в искусстве, так и в плане конкретно-аналитическом.

Ключевые слова: память, литература, история, воображение, постпамять, художественный мир, реальность

Для цитирования: Доманский Ю.В. Искусство памяти: Рец. на книгу: Память как история и воображение: коллективная монография (Москва: Эдитус, 2023) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2023. № 3. Ч. 3. С. 453–459. DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-453-459

The Art of Memory.
A Review of the book “Memory as History and Imagination”.
A Collective Monograph (Moscow: Editus, 2023)

Yurii V. Domanskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
domanskii@yandex.ru*

Abstract. This review considers the collective monograph “Memory as History and Imagination”. It demonstrates the book significance both in terms of theoretically going deeper into understanding the functioning of the memory category in art, and in concrete-analytical terms.

Keywords: memory, literature, history, imagination, postmemory, artistic world, reality

---

© Доманский Ю.В., 2023

For citation: Domanskii, Yu.V. (2023), "The Art of Memory. A Review of the book 'Memory as History and Imagination'. A Collective Monograph (Moscow: Editus, 2023)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 3, part 3, pp. 453–459, DOI: 10.28995/2686-7249-2023-3-453-459

Проблема памяти давно заслужила внимание со стороны гуманитарной науки. И не сказать, что память этим вниманием была обделена, не сказать, что обращения к данной проблеме носили характер фрагментарный и спонтанный, однако настал момент, когда для продвижения дальше возникла необходимость обобщить и систематизировать уже сделанное в науке по данной проблеме и уже на основе этого начать двигаться дальше. И стараниями Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, спецсеминара «Визуальное в литературе», редакторов-составителей В.Я. Малкиной, А.В. Корчинского, С.П. Лавлинского проблема памяти оказалась презентована если не во всем ее многообразии, то уж точно весьма и весьма широко в виде коллективной и оправданно междисциплинарной монографии, цель которой предельно четко сформулирована в самом начале книги:

Данная книга посвящена осмыслению феномена памяти – но не того, как она функционирует сама по себе, а тех способов, с помощью которых она представлена в разного рода текстах: художественных, псевдохудожественных, документальных, псевдодокументальных и т. п. Отсюда необходимость соотносить память, с одной стороны, с историей, то есть условной «правдой» (как она представляется субъекту) – документальной, биографической (автобиографической) составляющей. С другой, с воображением и вымыслом – художественными (фикциональными) аспектами. Поэтому мы не ограничились инструментарием одной какой-либо науки (будь то история, философия, филология, культурология или искусствоведение), а попробовали сочетать разные.

Отсюда наша основная цель – используя междисциплинарный подход и максимально разнообразный материал, наметить основные пути изучения репрезентации памяти и ее соотношения с документальным и художественным в текстах разной природы [Память как история 2023, с. 9]¹.

¹ Далее ссылки на это издание даны в тексте в круглых скобках.

И если совсем коротко, то цель эта усилиями коллектива авторов (надо сказать, преимущественно начинающих ученых – студентов, магистрантов, аспирантов, молодых кандидатов наук, хотя есть среди авторов и маститые исследователи – уже названные редакторы-составители, а также Е.А. Калинина, Ю.В. Подковырин, В.И. Тюпа) оказалась успешно достигнута. Основанием же для достижения данной цели и вместе с этим обоснованием материала, его широты и, как следствие, необходимости в междисциплинарном подходе, стало то, что «литература и визуальные искусства, с одной стороны, являются медиа памяти – то есть теми посредниками, при помощи которых реконструируется личная или коллективная память. С другой стороны, личная или коллективная память может становиться в них предметом изображения» (с. 16). И вот тут нельзя не похвалить с восторгом тех, кто придумал и обосновал оптимальную относительно проблемы памяти в заявленном ключе структуру. Каждый из шести разделов монографии предваряется небольшой вводной статьей теоретического плана, и статьи эти, если бы были представлены единой парадигмой в виде компактного издания, могли бы с полным на то правом стать словариком, терминологически регулирующим исследование проблемы памяти в гуманитарных отраслях.

В первом разделе – заслуженно базовом, поднимающем и во многом решающем на довольно широком в плане спектра материале проблему нарративов памяти, – таких вводно-теоретическо-терминологических частей даже две: первая посвящена заглавной категории раздела – весьма часто используемому наукой понятию «нарративы памяти», и часть эта конкретизирует данное понятие в историческом разрезе и применительно к актуальной ситуации в искусстве; часть же вторая призвана выделить и обоснованно осмыслить такой сегмент нарративов памяти, как автонарративность, под которой понимается «личное прошлое субъекта ментальной жизни, нарративно упорядоченное его событийной памятью, а не когнитивными усилиями интеллекта» (с. 23).

Часть, предворяющая посвященный внутреннему миру произведения и мирам, создаваемым в мире произведения, раздел «Память как реальность», подробно рассматривает именно категорию реальности в ракурсе соотношения проблемы искусства и действительности; и тут важно то, что память может и должна быть осмыслена как способ конструирования особой реальности внутри художественной реальности произведения; и тогда память «можно воспринимать как разновидность воображаемого мира героя, то есть особый “мир в мире”, в котором есть свои особые пространство и время и герой (герои), ищущие свое место в этом мире» (с. 6).

При этом фактически все «практические» части раздела обращены к пространству памяти, что позволяет говорить именно об этом предмете как о принципиально базовом относительно проблемы художественного мира и создаваемых в художественном творчестве воображаемых реальностей.

Третий большой раздел коллективной монографии синтезирует в себе две категории – категорию исторической памяти (понимаемую, согласно Морису Хальбваксу, как часть памяти коллективной) и категорию постпамяти; и синтез этот носит характер принципиальный как в теоретическом, так и в аналитически-интерпретационном планах, что обосновывается в двух вводных частях раздела. В них, в этих частях, доказывается важность строгого понимания названных категорий и осмысления их именно в тандеме. Уже здесь декларируется «важность понятия травмы для анализа памяти и постпамяти» (с. 111) и важность работы с названными категориями именно применительно к художественному творчеству, ведь «литература, с одной стороны, является способом переживания травмы и осмысления исторического опыта, пропущенного через сознание того или иного субъекта. С другой, она во многом и формирует историческую память того или другого сообщества» (с. 112). Такая двунаправленность литературы и искусства вообще и позволяет исследовательски отрефлексированному синтезу исторической памяти и постпамяти способствовать углублению понимания конкретных художественных произведений, что успешно показано в «практических» сегментах данного раздела.

Проблема идентичности, о которой в связи с памятью идет речь в следующем разделе, названном точно так же, как последняя книга папы Иоанна Павла II, не раз поднималась и в предшествующих разделах монографии. И действительно, идентичность как категория плоть от плоти связана с самыми разными гранями памяти, понимаемой в самом широком смысле. Проще говоря, о чем бы в новейшее время речь не заходила в связи с памятью, чуть ли не неизбежно появляется и идентичность. И наоборот: любой разговор об идентичности тут же привлекает и категорию памяти, ведь «поиск идентичности в настоящем так или иначе происходит через обращение к прошлому, а значит, к памяти. И неважно, идет ли речь о поиске себя (личная идентичность) и/или о поиске своего места внутри того или иного сообщества (коллективная идентичность), – память очень часто выступает ключевым элементом этого процесса» (с. 188). И конечно, в данном разделе оказываются задействованы и те категории, которые в предшествующих и последующих разделах являются ведущими предметами, – и воображение, и реальность, и историческая память, и постпамять... Уже

на основании всего этого крайне принципиально исследовательски отрефлексировать случаи экспликации заглавной проблемы данного раздела монографии в литературе, особенно «в автобиографических или квази-автобиографических произведениях, в том числе и в тех, что сейчас относят к автофикшн или автофикциональному повествованию» (с. 190), что и демонстрируется в большинстве «практических» сегментов раздела «Память и идентичность».

Согласимся, было бы по меньшей мере странно, если бы разговор о памяти в предпринятом авторами коллективной монографии ключе оставил бы на периферии внимания категорию воображения (тем более что ей нашлось место и в заглавии всей книги). Отчасти воображение уже было презентовано и в предшествующих разделах (в частности, в разделе «Память как реальность»), но в разделе предпоследнем оно уже стало главнейшим предметом исследования. Парадоксально, но человек (в первую очередь – человек творческий) наделен способностью, которая, казалось бы, противоречит всем законам мироздания – способностью создавать прошлое. Почему? Потому что человек творческий обладает воображением, а «образы истории, производимые коллективами и отдельными индивидами, тесно взаимосвязаны с логикой воображения, характерной для ментальных, интеллектуальных и художественных практик эпохи» (с. 232). И части, вошедшие в пятый раздел коллективной монографии в качестве наглядных аналитических иллюстраций участия воображения в структурировании памяти, базируются на концептуальном теоретическом тезисе о том, что «литература может как создавать убедительные и эмоционально “заряженные” картины прошлого, так и вызывать историю на “суд”, осуществлять “проработку” и даже ревизию памяти» (с. 235).

Завершающий же раздел книги не просто аналитически конкретизирует предложенные теоретические выкладки, как было это в каждом из пяти предшествующих разделов; тут читателю предлагается посмотреть на *все* обозначенные выше аспекты презентации памяти в искусстве, но на примере творчества одного конкретного и, прямо скажем, отнюдь не самого мейнстримного представителя отечественной словесности – на примере творчества Сигизмунда Кржижановского. Почему для раздела, который композиционно обязан быть итоговым, выбран именно этот автор? Как убеждают и начальная часть последнего раздела, и составившие его аналитические части, как раз Сигизмунд Кржижановский оказался крайне репрезентативной фигурой для воплощения *всех* (подчеркиваю – именно *всех*) тех аспектов функционирования памяти в художественном творчестве, которым заслуженно уделено внимание в пяти предшествующих разделах коллективной моно-

графии. Конечно, нашлись бы и другие писатели, соответствующие данному требованию; но зачем искать кого-то, если есть фигура, со всей очевидностью подходящая для всестороннего охвата заглавной для всей книги проблемы? Так конкретизирующий раздел стал разделом резюмирующим, резюмирующим все то, что было сделано в предшествующих разделах, как в теоретическом, так и в практическом планах.

В итоге же мы, то есть читатели, получили базовый труд по одной из важнейших проблем современной гуманитарной науки; в труде этом теоретические построения не только постулируются, но и успешно конкретизируются, подтверждаются и обосновываются рассмотрением примеров из разных эпох, из разных видов искусства; вместе с тем те части, что носят характер аналитический, что посвящены отдельным произведениям и их интерпретации в рамках заявленной проблемы, строятся строго на предложенных в начале книги и в начале каждого раздела теоретических основаниях; и это при том, что для «практического» рассмотрения были выбраны «те произведения, где память является одним из структурообразующих принципов создания художественного целого» (с. 319). Таким образом, теория подтверждается практическим анализом, а практический анализ базируется на теории. Такой консенсус и позволил в итоге максимально репрезентативно для данного этапа истории науки представить проблему памяти в искусстве, памяти – как и истории, и воображения, как истории и воображения, а вместе с этим и обозначить перспективы презентации памяти в художественном творчестве и грядущей ее исследовательской рефлексии.

Литература

Память как история 2023 – Память как история и воображение: Колл. монография / Сост. и ред. В.Я. Малкина, А.В. Корчинский, С.П. Лавлинский. М.: Эдитус, 2023. 332 с.

Reference

Malkina, V.Ya., Lavlinskii, S.P. and Korchinskii, A.V. (eds.) (2023), *Pamyat' kak istoriya i voobrazhenie: kollektivnaya monografiya* [Memory as History and Imagination. Collective Monograph], Editus, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Юрий В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; domanskii@yandex.ru

Information about the author

Yurii V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; domanskii@yandex.ru